

Цинь Шу сделал то, что хотел сделать последние полчаса.

Он собирался встретиться с родителями Ду Сяо Шуан - или, точнее, ворваться прямо к ним домой.

Обоснование было простым. Поскольку Ду Сяо Шуан была заточена внутри тюрьмы для призраков, которой являлась вторая старшая школа Цзячэн, и не могла покинуть её ни при каких обстоятельствах... всё, что ему оставалось, - это привести тех двоих в школу.

Ду Сяо Шуан дала адрес. Он находился не особенно далеко, в относительно новом и доступном жилом комплексе. Четырёхкомнатная квартира с двумя гостиными, входящая в школьный округ, площадью сто сорок квадратных метров - это было исключительно хорошее семейное жильё.

Шесть лет назад Ду Сяо Шуан уже внесла первоначальный взнос за эту квартиру. Теперь имена в свидетельстве о праве собственности были законно и надлежащим образом переоформлены на её родителей.

Цинь Шу поначалу опасался, что они могли переехать, но реальность доказала, что жадность не знает границ.

Снаружи двери семьи Ду висело выпуклое багуа-зеркало. Его ориентация казалась тщательно продуманной, так что они, вероятно, консультировались с кем-то по поводу его размещения.

Это выгнутое наружу багуа-зеркало использовалось специально для отражения и нейтрализации губительной энергии. Люди обычно покупали такое для самозащиты только в тех случаях, когда вблизи жилого комплекса происходили смерти или травмы, когда квартиру использовали для хранения кремированных останков или когда жильцы опасались, что соседи могут украсть их богатство и удачу.

Большие связки полыни висели рядом с зеркалом, а также связка высушенных листьев, по форме напоминающая меч. Цинь Шу прищурился и наклонился поближе, чтобы рассмотреть их, обнаружив, что это были листья аира. В народной традиции Цзянчэна их также использовали для отпугивания зла и изгнания зловещих вещей.

Мало того, придверный коврик также источал интенсивный и сложный запах.

Чувства Цинь Шу за последние несколько дней стали слишком острыми. Бегло вдохнув, он различил две разные жидкости... мочу маленького мальчика и собачью мочу. Кроме того, они рассыпали по коврику ядовитую киноварь, открыто смешав её с красными волокнами.

Прошло шесть лет, но они не желали отказываться от этой квартиры в школьном округе, поскольку её стоимость продолжала расти. Они даже не переехали, продолжая как ни в чём не

бывало жить в просторном доме, на который их дочь так усердно работала.

В то же время, однако, они оставались виноватыми и напуганными. Они беспокоились, что дочь, которую они убили, может стать призраком и вернуться за мстью, поэтому использовали все возможные методы для самозащиты, предпочитая даже разбрызгивать вонючую мочу за собственной дверью.

Цинь Шу уже был вне себя. Он лишь улыбнулся и нажал дверной звонок.

- Уа-а-а-а!

Немедленно вслед за этим младенец начал громко плакать. Цинь Шу смутно слышал, как мужчина выругался, после чего слышались толчки и хаотичный скрип и грохот каркаса кровати.

Верно. Была уже глубокая ночь, время спать. Цинь Шу снова улыбнулся и без малейших угрызений совести нажал дверной звонок во второй раз.

Ребёнок заплакал ещё более неистово. Женщина начала успокаивать его повторяющимся бормотанием, в то время как мужчина зашагал к двери в громко шлёпающих тапочках и рывком распахнул её.

- Какого чёрта ты...

Прежде чем его агрессивный вопрос успел завершиться, раздался глухой удар. Цинь Шу всадил кулак прямо в лицо мужчине, точно раздробив ему носовую кость.

Мужчина медленно опрокинулся на пол, потеряв сознание, голова его запрокинулась, из носа хлестала кровь.

- К-кто ты? Чего тебе надо?! - женщина была сильно напугана. Она нерешительно попыталась отступить, крепко прижимая к себе мальчика-младенца, инстинктивно поворачиваясь боком, чтобы прикрыть его.

Хотя она казалась полной материнской любви, теоретически она уже достигла возраста менопаузы. Не было никакой возможности, чтобы она могла родить такого маленького ребёнка.

- Здравствуйте, тётя. У меня действительно есть к вам дело. Не могли бы вы сейчас пойти со мной во вторую старшую школу? - глаза Цинь Шу изогнулись, улыбка была солнечной и жизнерадостной. - Если не сможете, я тоже вырублю вас и лично оттащу обратно в школу.

- ...

Полчаса спустя.

Три человека и один призрак, а также младенец, который всё ещё громко плакал, сидели ровным рядом на холодном полу снаружи коридора офиса на третьем этаже.

Не то чтобы в здании класса не было стульев, но у Цинь Шу, естественно, не было намерения делать им удобно. Он намеренно выбрал место, где шесть лет назад повесили Ду Сяо Шуан. Чем более тревожным оно казалось, тем лучше.

Мужчина, которого Цинь Шу вырубил одним ударом, очнулся. В тот момент, когда он понял, где находится, он пришёл в яростную ярость. Пласты плоти по всему его телу напряглись, и даже жир по бокам его лица дрожал от натуги.

Только непреодолимый ужас мог породить такую крайнюю злость. Это был человеческий механизм самозащиты. Цинь Шу холодно наблюдал, как мужчина извивается и борется, извергая всевозможную брань, пытаясь разорвать верёвки на запястьях грубой силой, пока...

Пока Ду Сяо Шуан наконец медленно не подплыла к нему, положила одну руку на плечо мужчины и плотно прижалась к спине своего отца. Своим единственным гниющим глазом, пропитанным кровавыми слезами, она уставилась прямо в его глаза.

Цинь Шу понимал лучше кого бы то ни было, насколько странным и непостижимым был этот пронизывающий до костей холод. Это было похоже на то, как если бы нёс на спине тяжёлый труп, чья влажная стужа впивалась в каждую пору, словно бесчисленные плотно упакованные иглы.

Это покалывающее ощущение, поднимающееся под кожей во время смертельной опасности, могло мучить человека до тех пор, пока он не переставал дышать.

Запах мочи распространился снова. Рёв мужчины постепенно затих, превратившись в тихие всхлипывания на грани коллапса.

Что касается матери Ду Сяо Шуан, то после того, как она лично стала свидетельницей странной пытки своего мужа, её цвет лица давно стал бледнее, чем у призрака.

Но её психическая стойкость была явно сильнее. Она всё ещё смогла собраться с духом и заговорить с Цинь Шу.

- У-ученик, не мог бы ты отпустить нас? Если тебе нужны деньги, у нас они есть. Разве не слишком далеко заходить, таская невинного младенца сюда посреди ночи? Ты всё ещё ученик. Школе это не понравится, верно? И полицейский участок находится сразу за задними

воротами. Офицеры могут обнаружить нас в любой момент...

- Полиция уже в пути, - ответил Цинь Шу, не теряя улыбки, и его взгляд остановился на розовом пухлом личике младенца. - Я сам на вас заявил - за торговлю детьми.

- ...Чушь! Это мой сын! Мой! Ты не смеешь забирать моего сына!!! - глаза женщины расширились, и на её лице бессознательно появилось жестокое выражение. Её ранее спокойный голос внезапно стал пронзительным и дрожащим.

Обе руки вцепились в пелёнки ребёнка так крепко, что на тыльных сторонах её пухлых рук проступили бледно-голубые вены.

Значит, это было то, чего она боялась больше всего. Цинь Шу задумался и начал подозревать, что этот прекрасный мальчик-младенец... был не просто похищенным ребёнком.

- Раз ты хочешь оставить своего сына, тогда поговори со мной. Что именно вы сделали с Ду Сяо Сюэ шестого июня шесть лет назад? - прислонившись к стене, Цинь Шу достал телефон и включил функцию записи. - Тётя, дружеское напоминание - я записываю. И я читал полицейские материалы по делу о пропавших без вести, так что не пытайся меня обмануть.

Губы женщины задрожали, а её робкий взгляд задержался на руках Цинь Шу.

Физическое напряжение согревало его, поэтому Цинь Шу уже закатал рукава, обнажив участок своей крепкой, мощной руки. Чёткие линии несли явные следы тренировок. Теперь, когда мышцы слегка напряглись, казалось, что он в любой момент мог так же легко раздробить и её носовую кость.

- ...Я не могу этого сказать. Умоляю, смилуйся. Я правда не в силах произнести это... Это - это погубит меня, а заодно и тебя убьёт.

- Ты умрёшь, даже если ничего не расскажешь мне, - произнёс Цинь Шу, склонив голову набок, с поразительной, почти детской прямоотой. - Я привёл вас двоих в старшую школу №2 с единственной целью: чтобы Ду Сяо Шуан собственноручно отомстила и лишила вас жизни. Если же ты изложишь всю историю от начала до конца, возможно, ваша дочь поймёт тяготы и благие намерения своих родителей. Так ведь?

Вторая половина его слов, разумеется, была чистейшей бессмыслицей. Обида Ду Сяо Шуан к этому моменту достигла уже поистине пугающей глубины и силы, растекаясь над старшей школой №2 подобно ревущим чёрным грозовым тучам. Она почти что проклинала мужчину, корчившегося на полу, желая ему скорой смерти.

И всё же эта логика, которую можно было охарактеризовать лишь как верх эгоцентризма, неожиданно оказалась на редкость действенной на женщину. Её глаза вспыхнули надеждой, и

она с готовностью, почти жадно, ухватилась за предположение Цинь Шу.

- Ты прав. Сяо Шуан поймёт. Сяо Шуан всегда была самой рассудительной и послушной... Шесть лет назад мы наняли медиума-духовидца.

История, которая последовала далее, была до банальности избитой.

После того как их перевезли в большой город, родители жили за счёт своей уже взрослой дочери, не переставая при этом беспокоиться о попытках завести ещё одного ребёнка - на этот раз сына.

Но из-за преклонного возраста забеременеть было трудно, а уж тем более родить мальчика. Им удалось забеременеть дважды, они тайно делали УЗИ и оба раза узнавали, что плод - женского пола.

Пара отказывалась растить ещё одну дочь и в обоих случаях решалась на аборт. Это нанесло серьёзный урон организму женщины, сделав повторную беременность практически невозможной... Ситуация зашла в тупик, словно удар грома среди ясного неба.

- Мы перепробовали уйму народных средств и всё искали, искали. В конце концов мы отыскали ту самую слепую духовидицу. Она действительно обладала истинным даром. Я собственными глазами видела её удостоверение личности - ей было уже за сто двадцать. Спина её давно согнулась в дугу и уже не могла выпрямиться, но двигалась она всё равно быстрее меня...

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, женщина не могла сдержать восхищения, и голос её звучал с оттенком почти фанатичного благоговения.

Именно эта слепая старуха заявила, что ей ведом способ, как сделать бесплодную женщину способной зачать сына, и притом непременно такого, что будет благословенным чадом, способным принести всей семье процветание и удачу.

Причина, по которой их семья так и не могла заполучить наследника, тоже была проста: в доме было слишком много женщин, отчего его энергия инь чрезмерно тяжела и плотна. Более того, судьбы обеих старших сестёр находились в непреодолимом конфликте с судьбой младшего брата и обрекали любого новорождённого мальчика на неминуемую гибель. Поэтому крайне неблагоприятно, чтобы они оставались в семье во время попыток зачать сына - именно поэтому у пары всё никак не получалось родить мальчика.

Муж с женой поверили каждому слову. Их одержимость идеей родить сына стала ещё более рьяной и слепой, и в итоге они получили от старухи ответ... что ни одну из девочек нельзя оставлять в живых.

Пока старшие сёстры живы, их младший брат не выживет. Даже если он родится, ему суждено

будет умереть в юном возрасте.

Слепая старуха сказала, что по доброте своей души она согласна забрать младшую девочку. Сделав её дочерью в другой семье, та сможет сохранить себе жизнь, при условии, что две семьи никогда больше не встретятся.

Но супруги должны собственноручно избавиться от своей старшей дочери, которая уже достигла совершеннолетия, - разорвать узы между родителем и дитятей собственными руками. И с этого момента в их доме воцарится несметное богатство, а удача будет литься рекой.

А затем, терпеливо выждав шесть лет, шесть месяцев и шесть дней, они получают здорового мальчика, рождённого под счастливой звездой.

И вот, спустя шесть лет, женщина, находясь в уборной, каким-то образом вытолкнула из себя младенца мужского пола.

Ребёнок выпал прямо ей в бельё, не причинив ни малейшей боли. Он был прекрасен, чист и нежен - точь-в-точь, как и обещала духовидица: мальчик, способный принести всей семье благополучие и удачу...

- Погоди. Она сказала тебе всё это, и ты поверила? И вы сделали в точности так, как она велела? - брови Цинь Шу нахмурились, на лице застыло выражение недоверчивого изумления.

- Слепая старуха — это воплощение Гуаньинь, Дарующей Детей. Конечно же, мы обязаны были верить ей! С тех пор как Сяо Шуан покинула нас, наша семья стала беспрестанно зарабатывать деньги. Нам везло куда больше, чем раньше. Она должна понять, что именно она приносила нам несчастье. Между нами, матерью и дочерью, не было никакой привязанности. Отослать её на небеса - тоже было к лучшему для неё самой.

- ...

Цинь Шу онемел. Он уже не знал, то ли рассердиться ему, то ли рассмеяться. Выходит, такие неординарные люди действительно существовали - люди, способные с невероятной силой вывернуть собственную логику наизнанку и при этом сделать её на удивление стройной и непротиворечивой внутри себя.

Он сдержался и намеренно ровным голосом спросил:

- Где сейчас находится эта слепая старуха? Если она - воплощение Гуаньинь, я бы очень хотел встретиться с ней тоже.

- Она, естественно, предаётся духовным практикам в Храме Гуаньинь, Дарующей Детей. Но - но...

Тут женщина внезапно забеспокоилась:

- Ох, что же мне делать? Мне не следовало разглашать эти тайны. Слепая старуха прогневается на божеств подземного мира, и они проклянут всех несчастных родителей, молящих о даровании сына. Это может даже убить моего мальчика! Нет-нет, мне нужно срочно бежать в храм и молиться...

Цинь Шу на этот раз рассмеялся уже по-настоящему.

- Ты всё ещё хочешь посетить храм? Думаешь, я позволю тебе покинуть это место?

- Я - я же всё тебе рассказала! Ты не можешь взять свои слова обратно! Теперь, когда ты знаешь, что мой сын - благословенное дитя, ты должен понять, что нарушить обещание - значит навлечь на себя божественную кару! - женщина впадала во всё большее отчаяние, дрожала и ещё крепче прижимала к себе младенца.

Цинь Шу слегка приподнял бровь.

- Даже если бы я и согласился отпустить тебя, согласилась бы Ду Сяо Шуан?

- Мама... Ма-а-ама...

Тотчас же раздался холодный, истомлённый, пустой женский голос, вновь и вновь звавший свою мать. Его тон был похож одновременно на смех и на плач, он источал горечь обиды и бесконечную печаль.

Женщину сотрясла дрожь, она вскочила на ноги, намереваясь броситься прочь, как вдруг её движения резко замерли. Её взгляд, полный трепета, медленно опустился на мужа, лежащего рядом с ней.

Мужчина уже не дышал. Его налитые кровью глаза были распахнуты до невозможности, словно он собственными глазами узрел нечто невообразимо ужасающее и пережил настолько сильный страх, что умер от него на месте.

Кровь сочилась из всех семи отверстий его лица - густая, зловонная, чёрная как смоль. Его щёки неестественно вздулись, будто незримая гигантская рука с силой хлестала его по лицу, пока оно не обезобразилось. Вязкая кровь медленно пожирала его плоть, источая ледяной, гнилостный и чуждый естеству смрад.

- Это - это божество подземного мира... Божество подземного мира явилось! Оно последовало за нами! А-а-а-а!!! Сынок, спаси меня! Старуха-мать, спаси меня!! - женщина была настолько объята ужасом, что не могла даже пошевелиться. Только её горло ещё было способно издавать пронзительные вопли, в то время как она судорожно тряслась, прижимая к себе дитя.

- Цинь Шу, остановись!

В этот момент с дальнего конца коридора донёлся ещё один встревоженный мужской голос, сопровождаемый быстрыми, тяжёлыми и уверенными шагами.

Син Юн всё ещё был в полицейских кожаных ботинках и свободных форменных брюках, но бежал он на удивление быстро. Едва он успел выкрикнуть эти слова, как уже ворвался к троим.

Но, достигнув места, он, напротив, совершенно растерялся.

Всё, что предстало перед его глазами, шло вразрез с элементарным здравым смыслом и пониманием, которое он накопил за более чем двадцать лет жизни.

Цинь Шу оставался сидеть на холодном полу, прислонившись спиной к стене кабинета. С невинным выражением лица он улыбнулся.

- Добрый вечер, брат Юн.

<http://bllate.org/book/18968/2059548>